

бѣгствомъ и въ сосѣдней комнатѣ упала въ обморокъ. Когда я очнулась, со мною сдѣлалась страшная истерика. Дѣло кончилось презрѣннымъ примиреніемъ: онъ просилъ прощенья и цѣловалъ меня. Я его простила. Онъ сознался, что ревновалъ меня къ Трухачевскому, но мы рѣшили, послѣ нашего примиренія, что обѣдъ всетаки состоится, такъ какъ мы не желали, чтобы кто нибудь изъ гостей могъ заподозрить настоящую причину его отъѣзды. Но я положила въ глубинѣ своего сердца предупредить о случившемся Трухачевского и прекратить послѣ этого обѣда наши прежнія отношенія. Случай для такого объясненія представился наканунѣ, вечеромъ, когда онъ явился для репетиціи, такъ какъ мы должны были играть вдвоемъ; Позднышева тогда не было дома. Одному небу извѣстно, какъ мнѣ было тяжело вырвать изъ своей мрачной жизни единственный въ ней свѣтлый лучъ, и я никогда не забуду того выраженія его красиваго лица, съ которымъ онъ выслушалъ мой разговоръ о происшедшей между мной и Позднышевымъ сценѣ. Онъ умолялъ меня отказаться отъ моей рѣшимости, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти, умоляетъ о пощадѣ; но я осталась непреклонной и объявила ему,